

оригинальная статья

Сравнительно-правовой анализ элементов конституционно-правового статуса жителей Донбасса

Аничкин Евгений Сергеевич

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0001-5432-8958>

rrd231@rambler.ru

Канакова Анна Евгеньевна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0003-1912-4575>

Поступила 20.03.2023. Принята после рецензирования 09.04.2023. Принята в печать 10.04.2023.

Аннотация: Предмет исследования составляют юридические теоретические конструкции, нормативные правовые акты, касающиеся исследования сущности и содержания элементов конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Цель – выявить общие и особенные черты теоретических и конституционно-правовых основ принципов правового статуса личности, прав, свобод и обязанностей лиц, проживающих на территории Донбасса, посредством сравнительного анализа конституций Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и России. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез) и частно-научные методы познания (ретроспективный, сравнительно-правовой, формально-юридический). Результат исследования заключается в комплексной оценке конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории Донбасса, включая трансформацию содержания принципов правового статуса личности, перечня и наполнения прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Результаты могут быть использованы для дальнейших научных исследований, для преподавания юридических дисциплин и для нормотворческой деятельности по вопросам статуса указанных лиц. Сделан вывод, что конституционно-правовой статус жителей Донбасса за короткий срок подвергся значительным изменениям. Изначально он формировался на основе законодательства Украины, в последующем после образования самостоятельных государств подвергся существенным изменениям, а в дальнейшем дополнительно трансформировался при вхождении самопровозглашенных государств в состав России. Конституирование иных подходов, отличающихся от тех, к которым привыкли жители Донбасса, требует крайне осторожного отношения, поскольку некорректный переход от одной модели правового статуса личности к другой может породить не только непреднамеренное нарушение закона со стороны лиц, испытывающих на себе влияние данных трансформаций, но и отторжение жителями Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики новых правовых реалий.

Ключевые слова: правовой статус, принципы правового статуса, права, свободы, обязанности, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Донбасс

Цитирование: Аничкин Е. С., Канакова А. Е. Сравнительно-правовой анализ элементов конституционно-правового статуса жителей Донбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 310–323. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-310-323>

full article

Constitutional and Legal Status of Donbass Citizens: Comparative Legal Analysis

Evgeniy S. Anichkin

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0001-5432-8958>

rrd231@rambler.ru

Anna E. Kanakova

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0003-1912-4575>

Received 20 Mar 2023. Accepted after peer review 9 Apr 2023. Accepted for publication 10 Apr 2023.

Abstract: The article introduces some legal theories and normative acts behind the constitutional and legal status of people who live in the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic. The author conducted a comparative analysis of the theoretical, constitutional, and legal foundations that define the personal legal status, rights, freedoms, and obligations stipulated by the Constitutions of Ukraine, the Donetsk People's Republic, the Luhansk

People's Republic, and the Russian Federation. The research relied on general scientific methods of cognition, i.e., analysis and synthesis, and specific scientific methods, i.e., retrospective, comparative legal, and formal legal analyses. The resulting comprehensive assessment covered the constitutional and legal status of Donbass citizens and highlighted the transformation of their personal legal status, rights, freedoms, and obligations. The results can be used in further scientific research, teaching legal disciplines, and law-making activities connected with the status of Donbass population. Their constitutional and legal status has undergone significant changes in a short period of time. Initially based on the legislation of Ukraine, it was transformed when the self-proclaimed states of Donbass and Lugansk joined the Russian Federation. New approaches, different from the current *legal habits*, have to be introduced with extreme carefulness: if the transition does not run smooth, Donbass and Lugansk citizens may unintentionally violate the law or even reject the new legal realities.

Keywords: legal status, principles of legal status, rights, freedoms, obligations, Lugansk People's Republic, Donetsk People's Republic, Donbass

Citation: Anichkin E. S., Kanakova A. E. Constitutional and Legal Status of Donbass Citizens: Comparative Legal Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 310–323. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-310-323>

Введение

Важной характеристикой любого государства является наличие основного правового акта, закрепляющего общие правила организации данного государства, ключевые начала регулирования общественных отношений. Разумеется, конституционная теория содержит уточнения того, какими именно должны быть государство и общество, чтобы можно было говорить о реально существующем конституционном строе в стране. Однако для полноценного функционирования государства, претендующего на статус правового и демократического, недостаточно сформулировать общие правила государственного устройства, распределения власти, установить и обеспечить подчинение праву, предоставить обществу как коллективному субъекту правовые возможности и определить пределы самоорганизации; необходимо четко обозначить положение отдельного индивида в обществе. Отсутствие строго регламентированных правил, позволяющих определить правовой статус конкретного лица, не только создает сложности для осуществления жизнедеятельности обычного человека, но и ставит вопрос о реальности и возможности существования государства, в правовом пространстве которого не присутствует основной субъект права – человек. Следовательно, чтобы дать полноценную и всестороннюю оценку правовой системы государства, необходимо проанализировать нормативные положения, формирующие базу для правового статуса личности.

Несмотря на то что вопрос элементов правового статуса является крайне дискуссионным [1–7], несомненно, первоочередным элементом правового статуса личности, с которого начинается оценивание положения человека в обществе, является гражданство [8, с. 121]. Именно факт наличия гражданства одного или нескольких государств предопределяет использование законодательства соответствующих стран для формирования правового статуса конкретного

лица. Рассматривая вопрос гражданства лиц, проживающих на территории Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР), можно выявить общую особенность: практически все проживающие на данных территориях лица имели и, вероятно, до сих пор имеют гражданство Украины, при этом фактически не обладая возможностью пользоваться данным статусом из-за позиции Украины по отношению к правам и свободам лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР [9, с. 186; 10, с. 151]. После 2014 г. произошла трансформация правового статуса рассматриваемых лиц в рамках элемента *гражданство*, т. к. подавляющая часть лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, получила второе или третье гражданство (гражданство ЛНР или ДНР и гражданство России). В большинстве случаев правовой статус жителей Донбасса формировался на основе Конституций ДНР, ЛНР и Конституции РФ. Следовательно, гражданство как элемент правового статуса личности уже обозначило для исследователей вектор проводимой оценки, поэтому представляется более целесообразным в данном исследовании уделить большее внимание иным элементам конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР: принципам правового статуса личности и правам, свободам, обязанностям человека и гражданина.

Обособленное исследование принципов правового статуса личности и прав, свобод, обязанностей человека и гражданина обусловлено тем, что проживание населения на определенной территории одного государства формирует у людей так называемые правовые привычки, касающиеся обычной жизнедеятельности человека: получение образования и медицинской помощи, осуществление трудовой деятельности и т. п. [11, с. 8]. Смена государственной надстройки может в одночасье поменять правовые положения, но не правовые привычки людей, поэтому особое

внимание требуется уделить именно тому, в какой степени трансформированное законодательство ЛНР и ДНР отступило от ранее существовавшего уклада в сфере возможного и должного поведения индивидов. Провести такую оценку можно путем сопоставления того, как в конституциях Украины, ДНР, ЛНР и России закреплены принципы правового статуса личности и права, свободы и обязанности человека и гражданина.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез) и частно-научные методы познания (ретроспективный, сравнительно-правовой, формально-юридический), которые способствуют всестороннему и предметному исследованию поставленных вопросов.

Совокупность указанных методов позволяет провести комплексную оценку конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории Донбасса, включая оценку трансформации содержания принципов правового статуса личности, перечня и наполнения прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Применение анализа и синтеза изначально находится в тесной взаимосвязи, т.к. рассмотрение отдельных сторон, свойств, особенностей, проводимое в рамках анализа, не позволяет создать полноценную модель соответствующего правового явления, в то время как установление связей между явлениями, обобщение, происходящее при синтезе, невозможно без изначально проанализированных данных. Наряду с этим использование вышеуказанных методов обуславливает действие особого механизма анализа через синтез, позволяющего включать объект исследования в абсолютно новые связи. При этом посредством анализа осуществляется не механическое разделение принципов правового статуса личности, конституционных прав, свобод и обязанностей на составные части, а воссоздание данных явлений в конкретных условиях, что позволяет обосновать, каким изменениям подверглись элементы правового статуса личности и правовые привычки жителей Донбасса в условиях изменения надгосударственной надстройки.

Несмотря на то что вопросы государственного и общественного устройства на территории Донбасса – это явления, характеризующие современный исторический период, полноценное исследование обозначенных вопросов невозможно без использования ретроспективного метода научного познания. Становление правового статуса личности жителей Донбасса имело несколько периодов, каждый из которых отличался не только собственной нормативной базой, но и соответствующими исследованиями. На сегодня не все проведенные ранее исследования остаются актуальными в силу того, что рассматриваемые и анализируемые тогда акты уже утратили свою юридическую силу, однако подобные

научные материалы помогают понять особенности соответствующего этапа: что было заимствовано или отвергнуто из прошлого периода, а что оказало влияние на новую веху развития изучаемого явления.

Для достижения поставленных задач необходимо применение сравнительно-правового метода. Правовой статус лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, менялся вслед за сменой государственной надстройки и, как следствие, новой правовой системой. Однако недостаточно изучить данные периоды обособленно и изолированно, необходимо сопоставить их между собой, отследив историческое развитие нормативных правовых актов по необходимому вопросу и оценив данные изменения на предмет их позитивного или негативного влияния на правовую действительность.

Проведение настоящего исследования невозможно без применения формально-юридического метода, т.к. исследование правового статуса личности предполагает изучение правовых категорий, дефиниций, юридических конструкций и приемов законодательной техники.

Результаты

Первый рассматриваемый элемент конституционно-правового статуса личности – это принципы **правового статуса личности**. Учет принципов правового статуса личности обусловлен тем, что в любой юридической конструкции необходимо смысловое ядро, стержень, пронизывающий смежные и построенные на данном явлении правовые положения. Казалось бы, принципы как основополагающие начала, на основании которых происходит использование прав и свобод человека и гражданина, а также выполняются их обязанности [12, с. 23], должны носить статичный характер и не меняться в зависимости от того, конституционно-правовой статус какого конкретного лица подлежит рассмотрению. Разумеется, данное умозаключение является истинным, однако не стоит забывать о том, что, во-первых, в каждом государстве предусматривается собственный перечень принципов правового статуса личности, который не обязательно должен совпадать с подходом иного государства, и, во-вторых, любой принцип находит отражение в субъективных правах и свободах, следовательно, содержание, заложенное в соответствующий принцип, непосредственно влияет на объем и степень реальности возможностей, в дальнейшем реализуемых человеком.

Трансформацию конституционно-правового статуса личности в отношении лиц, проживающих на территории ДНР и ЛНР, следует рассматривать через призму трех разных этапов: этап нахождения в составе Украины, этап самостоятельных государств и этап нахождения в составе Российской Федерации.

Первый принцип правового статуса личности можно сформулировать как **принцип приоритета ценностей**. Несомненно, в правовой сфере существует множество

ценностей, однако невозможно предоставить всем ценностям одинаково важный статус, в любом случае государству необходимо установить общие правила иерархии правовых ценностей.

Одна из особенностей стран постсоветского пространства – переход к системе ценностей, которая противоположна существовавшей во времена СССР: отказ от иерархии ценностей *государство – общество – человек* и утверждение ценностного подхода по принципу *человек – общество – государство* [13]. Следовательно, основная идея данного принципа должна быть схожа в Украине и в России (приоритет прав и свобод человека), но детали закрепления и реализации могут отличаться.

Так, согласно ст. 3 Конституции Украины, «человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью»¹. Хотя данная формулировка отражает основную концепцию признания человека высшей ценностью, представленная правовая конструкция вызывает ряд вопросов. Во-первых, нет четкости понимания в вопросе соотношения наивысших ценностей между собой: предусматривает ли последовательность перечисления в ст. 3 аналогичную иерархичность обозначенных ценностей или их приоритетность является ситуативной, когда, например, вопрос безопасности может оказаться важнее, чем жизнь. Во-вторых, нельзя обойти вниманием уточнение о социальном характере ценностей, т. к. отсутствует уточнение по оценке иных видов ценностей (духовных, материальных и т. п.).

Конституция ДНР от 14.05.2014² (далее – Конституция ДНР 2014 г.) и Конституция ЛНР от 18.05.2014³ (далее – Конституция ЛНР 2014 г.) отказались от заимствования формулировки приоритетности ценностей из Конституции Украины, изначально сориентировавшись на ст. 2 Конституции РФ⁴. Так, в ст. 3 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г. указано, что человек, а также права и свободы людей являются высшей ценностью. Заимствование устоявшейся в рамках российской правовой модели конструкции не вызывает вопросов, т. к. используемая в РФ формулировка в большей мере соотносится с сутью такой

категории, как принцип, который должен очерчивать основные границы, предоставлять четкое сущностное понимание правового явления, а не порождать необходимость уточнения деталей.

Казалось бы, на этом этапе рассмотрение принципа приоритета человека, его прав и свобод можно было бы завершить, т. к. использование подхода России в вопросе иерархичности ценностей создает самую благоприятную почву для дальнейшего применения этого же установления после вхождения ЛНР и ДНР в состав РФ. Отдельный интерес вызывает ст. 4 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г. Данные статьи посвящены социальной политике этих государств, обозначив ее направленность «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, народное благосостояние, доступность основных материальных, моральных и духовных благ» (или «основных материальных и духовных благ», согласно Конституции ДНР 2014 г.).

Комплексное рассмотрение ст. 3 и 4 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г. обозначает неточности в смысловом соотношении этих положений. В частности, использование в конституционных текстах ЛНР и ДНР разновидностей ценностей подчеркивает преемственность определенных моделей регулирования из Конституции Украины, при этом заставляя задаться вопросом отсутствия конституционного упоминания социальных ценностей, фигурирующих в Конституции Украины и являющихся логичными в контексте вопроса о социальной политике. Вместе с этим используемое в ст. 4 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г. уточнение про «народное благосостояние» побуждает поставить вопрос о наличии или отсутствии противоречия между признанием человека, его прав и свобод высшей ценностью и направленностью социальной политики государств не только на благо отдельного человека, но и общества в целом.

Обозначенная ситуация осложняется тем, что Конституция ДНР от 30.12.2022⁵ (далее – Конституция ДНР 2022 г.) и Конституция ЛНР от 30.12.2022⁶ (далее – Конституция ЛНР 2022 г.), принятые ДНР и ЛНР уже как субъектами РФ, воспроизвели аналогичные положения о социальной политике,

¹ Конституция Украины № 254к/96-ВР от 28.06.1996 (принята на пятой сессии Верховной Рады Украины) (с изм. и доп. по состоянию на 03.09.2019). *ИС Параграф «Юрист»*. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155&pos=7;-106#pos=7;-106 (дата обращения: 28.03.2023).

² Конституция ДНР. *Правительство Донецкой Народной Республики*. URL: <https://pravdnr.ru/npa/konstitucziya-doneczkoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 28.03.2023).

³ Конституция ЛНР. *Народный Совет Луганской Народной Республики*. URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/> (дата обращения: 28.03.2023).

⁴ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). *ИПП Гарант*.

⁵ Конституция ДНР (принята Постановлением Народного Совета 30.12.2022). *Денис Пушилин | официальный сайт*. URL: <https://glavadnr.ru/wp-content/uploads/2022/12/Konstitucziya.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).

⁶ Конституция ЛНР (принята Народным Советом ЛНР 30.12.2022). *Глава Луганской Народной Республики. Леонид Пасечник*. URL: <https://главлнр.рф/constitution.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).

предусматривающие создание условий, обеспечивающих народное благосостояние (ст. 4). Разумеется, ни один только что принятый акт не может обойтись без неточностей и неясностей, однако представляется правильным осуществить проверку соответствия ст. 4 Конституций ДНР и ЛНР 2022 г. и статей 2 и 7 Конституции РФ.

Второй принцип конституционно-правового статуса личности касается **равенства и равноправия**. Категории *равенство* и *равноправие*, несмотря на похожесть формулировок, имеют отличающееся содержание и предоставляют разные возможности. Так, равенство предполагает процедуру уравнивания кого-то (всех) по отношению к чему-то, в то время как равноправие допускает закрепление разного перечня прав и свобод за разными субъектами, но не допускает дискриминацию в случае, когда разным субъектам были предоставлены одинаковые права [14, с. 121]. Использование в актах дословных формулировок (равенство и равноправие) не является обязательным критерием установления той или иной категории, определение учрежденных категорий должно проводиться посредством сущностного анализа конституционных положений.

Так, ст. 21 Конституции Украины закрепила положение о том, что «все люди свободны и равны в своем достоинстве и правах». Такая формулировка свидетельствует об установлении принципа равенства, т. к. происходит уравнивание всех граждан по критерию достоинства и прав. Однако ст. 21 является не единственной, затрагивающей вопрос равенства и равноправия. Положения ст. 24 Конституции Украины содержат более объемные по содержанию сущностные характеристики данных институтов. Во-первых, утверждается равноправие конституционных прав и свобод граждан и равенство граждан перед законом. Во-вторых, устанавливается запрет дискриминации (привилегий или ограничений) «по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и иных убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым или иным признакам». Запрет дискриминации представляет собой негативное проявление принципа равенства, когда установление данного принципа происходит не посредством позитивного правила (что нужно делать, кого к чему уравнивать), а через прописывание запрета на различное отношение к людям, не обусловленное объективными причинами. В-третьих, закрепляется равноправие между мужчиной и женщиной, в рамках которого уже на конституционном уровне проводится уравнивание мужчин и женщин в изначально одинаковых правах и свободах и подтверждается возможность отраслевой дифференциации количества прав и свобод, доступных либо мужчине, либо женщине.

Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. и в дальнейшем Конституции ДНР и ЛНР 2022 г. не заимствовали юридические формулировки и конструкции из Конституции Украины, изначально взяв ориентир на Конституцию РФ и дословно воспроизведя положения ст. 19 Конституции РФ. Тем не менее важно отметить, что конституционные положения Украины и России не имеют существенных и существенных различий по вопросу равенства и равноправия. Указанная ст. 19 Конституции РФ аналогично, во-первых, уравнивает всех перед законом, при этом добавляя равенство и перед судом. Во-вторых, устанавливает запрет дискриминации, т. е. иным образом учреждая ту же категорию – равенство. И, в-третьих, аналогично рассматривает мужчин и женщин в контексте не равенства, а равноправия.

Таким образом, можно утверждать, что сам принцип равенства и равноправия не подвергся существенной трансформации. Его суть не менялась в зависимости от того, рассматриваются ли лица, проживающие на территории ДНР и ЛНР, в качестве граждан Украины или России. Дифференциация между данными странами происходит уже на уровне конкретных, субъективных прав и свобод, закрепленных в различных отраслях права, в частности в отношении перечня прав, свобод и обязанностей для мужчин и женщин.

Третий принцип конституционно-правового статуса личности касается вопросов **изъятия и ограничения прав и свобод человека и гражданина**. Дифференциация данного принципа возможна по линии выбранной государством позиции в отношении юридической природы прав и свобод: признание естественных прав и свобод с добавлением к ним позитивных прав и свобод или ориентир исключительно на волю государства и закрепление прав и свобод через позитивные права и свободы. Разумеется, когда речь идет о государстве, претендующем на статус правового, демократического, допустимым является только первый формат регулирования. Поэтому по линии общего закрепления данного принципа расхождения в рамках конституций всех рассматриваемых государств практически нет, однако отличия есть в конкретном способе закрепления и, конечно, в определенных правилах поведения.

Ключевая идея данного принципа сводится к постулатам о невозможности отчуждения основных прав и свобод и о введении ограничений прав и свобод только по определенной процедуре и в предусмотренных случаях. Согласно статьям 21 и 22 Конституции Украины, «права и свободы человека неотчуждаемы и ненарушимы», «конституционные права и свободы гарантируются и не могут быть упразднены», что четко свидетельствует о фактическом закреплении принципа неотчуждаемости прав и свобод. Данный принцип нашел свое развитие в обязанности

доводить до сведения населения (в установленном законом порядке) законы и иные нормативно-правовые акты, определяющие права и обязанности граждан (ст. 57 Конституции Украины), а также в обусловленности содержания и направленности деятельности государства правами, свободами человека и их гарантиями (ст. 3 Конституции Украины).

Большой интерес вызывает иное положение ст. 22 Конституции Украины, устанавливающее, что «при принятии новых законов или внесении изменений в действующие законы не допускается сужение содержания и объема существующих прав и свобод». Данная формулировка может толковаться двояко: с одной стороны, как запрет отчуждения даже части прав и свобод, которые уже когда-то были предоставлены индивиду, с другой – как запрет на введение даже временных ограничений, т.к. любое ограничение – это сужение объема прав и свобод. На первый взгляд, более подходящим по сочетанию формулировок и юридических конструкций является второй вариант. Однако, во-первых, такой вариант идет вразрез с общим пониманием института прав и свобод. В случае запрета на введение ограничений законодатель мог оказаться в ситуации, когда он сам не смог бы, например, внести изменения в Уголовный кодекс данной страны, добавляя новый вид преступления, ибо применение к лицу принудительных мер и наказания аналогично является вариантом ограничения прав и свобод индивида. Во-вторых, анализ иных статей Конституции Украины подтвердил наличие конституционной возможности ограничений прав и свобод личности. Так, ст. 64 устанавливает, что конституционные права и свободы человека не могут быть ограничены, кроме случаев, предусмотренных Конституцией Украины. Указание на подобные ограничения действительно обнаруживаются в различных статьях Конституции Украины, например, ст. 29 предусматривает возможность ареста человека по решению суда, ст. 30 закрепляет ограничения права на неприкосновенность жилища по суду и в рамках неотложных случаев, ст. 34 передает полномочия по ограничению свободы мысли и слова на уровень отдельного закона, конституционно определяя цели такого ограничения. В ст. 64 Конституции Украины устанавливаются особые правила в условиях военного или чрезвычайного положения: ограничения прав и свобод предусматриваются с указанием срока действия этих ограничений; не могут быть ограничены права и свободы, предусмотренные статьями 24, 25, 27, 28, 29, 40, 47, 51, 52, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63.

Следовательно, в рамках Конституции Украины можно вести речь и о принципе неотчуждаемости, и о законных способах ограничения прав и свобод, но не в рамках единого правила для всех прав и свобод, а в условиях наличия прямого указания на возможность подобного ограничения в отношении

конкретного права или конкретной свободы. Образно можно обозначить, что ограничение прав и свобод в Украине происходит не по принципу *разрешено то ограничение прав и свобод, которое не запрещено*, а по принципу *допустимо только то ограничение, которое прямо разрешено*.

Власти ДНР и ЛНР в 2014 г. закрепили общее положение о неотчуждаемости прав и свобод человека, однако, как и в рассмотренных выше случаях, обозначили развитие собственной правовой системы в направлении гармонизации с законодательством РФ, воспроизведя нормативные формулировки правил ограничения прав и свобод человека и гражданина в том же виде, как установлено в ч. 2 ст. 17 Конституции РФ.

Согласно ч. 2 ст. 12 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г., «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Развивая данный принцип, ДНР и ЛНР аналогично воспроизвели формулировки, используемые в законодательстве РФ, в частности данный принцип нашел свое продолжение не в абстрактной формулировке *доведение до сведений*, а в обязательности опубликования нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина (ч. 2 ст. 7 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г., ч. 3 ст. 15 Конституции РФ), а также в признании прав и свобод непосредственно действующими (ч. 3 ст. 12 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г., ст. 18 Конституции РФ).

Несмотря на очевидное заимствование положений из Конституции РФ, в Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. были перенесены не все положения в рамках неотчуждаемости прав и свобод, в частности ЛНР и ДНР не закрепили в своих Конституциях дополнительное положение с запретом на издание законов, умаляющих и отменяющих права и свободы человека и гражданина, которое установлено в ч. 2 ст. 55 Конституции РФ. Отсутствие данного положения в Конституциях ЛНР и ДНР, разумеется, не создает иного смыслового содержания принципа неотчуждаемости, но вынуждает дополнительно выявлять соответствующие запреты из сути данного принципа вместо того, чтобы иметь возможность напрямую сослаться на нужное конституционное положение.

Правила и порядок законного ограничения прав и свобод были установлены в новом для ЛНР и ДНР формате, т.к. ими не были аналогично воспроизведены положения из Конституции Украины, а были приняты конституционные положения РФ, а именно правило, согласно которому ограничение прав и свобод производится только законом и «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц,

обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 2 ст. 48 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г., ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Возможно, в силу сложной обстановки, вызванной противостоянием Украины с одной стороны и ЛНР и ДНР с другой, Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. не заимствовали из Конституции РФ особые правила ограничения прав и свобод в условиях режима чрезвычайной ситуации.

Принятие ЛНР и ДНР в состав России в качестве ее субъектов обусловило отказ от использования представленных формулировок в текстах новых Конституций ЛНР и ДНР 2022 г., потому что ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность ограничения прав и свобод только на основании федерального закона, а не закона субъекта. Дополнительно подчеркивая данные изменения, в Конституциях ЛНР и ДНР 2022 г. прописали указание на то, что законы и другие нормативно-правовые акты данных Республик не могут ограничивать права и свободы человека и гражданина, которые гарантируются Конституцией РФ (ч. 2 ст. 39 Конституций ЛНР и ДНР 2022 г.).

Трансформация конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, прошла в рамках данного принципа от подчиняющейся модели к самостоятельности и вновь вернулась к изначальному варианту (подчиненному состоянию), но в отношении другого государства и с отличающимися правилами установления ограничений на федеральном уровне. Несмотря на то что после вхождения ЛНР и ДНР в состав России они фактически лишились права единолично принимать решения об ограничении прав и свобод, порядок и, самое главное, цели ограничений успели прижиться в правовой действительности ЛНР и ДНР, а также в рамках правосознания людей, что обеспечивает более комфортный режим встраивания в правовую реальность России.

Четвертый принцип конституционно-правового статуса личности – **гарантированность прав и свобод человека и гражданина**. Некоторые ученые предлагают рассматривать гарантированность прав и свобод человека и гражданина в качестве отдельного элемента правового статуса личности [15, с. 68; 16, с. 31], однако более правильным представляется отнесение данных положений именно к принципам [17, с. 26], т. к. гарантированность прав и свобод является тем самым основополагающим началом, на базе которого строится все законодательство и без которого невозможно представить себе уточнение конституционных прав и свобод в отраслевом законодательстве. Установление гарантий в отношении прав и свобод является обязательным, потому что отсутствие таковых порождает логичный вопрос о фиктивности таких прав и свобод: обещание возможностей, не обеспеченное механизмами их реализации, нельзя считать реальным.

Рассматривая вопрос гарантированности, необходимо разделять гарантии на общие (обеспечивающие реализацию всех конституционных прав и свобод) и специальные (обеспечивающие реализацию отдельного конституционного права или отдельной конституционной свободы). Именно в рамках такого разделения гарантий обнаруживается особенность конституционного регулирования Украины, являющаяся фактически противоположной той модели, которая применяется в России. Так, Конституция Украины содержит общие гарантии, предусматривая гарантированность судебной защиты прав и свобод (ст. 8), в том числе гарантированность международной защиты (ст. 55). Однако основная часть гарантий в Конституции Украины относится к разряду специальных, потому что в большинстве случаев конституционный текст содержит не привычную для российских правоведов конструкцию *каждый имеет право*, а формулу *каждому гарантируется право*. Например, ст. 30 Конституции Украины предусматривает то, что «каждому гарантируется неприкосновенность жилища», в то время как в ст. 25 Конституции РФ устанавливается само правило, что «жилище неприкосновенно». В ст. 31 Конституции Украины «каждому гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфной и иной корреспонденции», а в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ учреждается: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». Одновременно с этим подобный переворот происходит в иной сфере: то, что для нас привычно воспринимается как «конституционные гарантии правосудия» (статьи 47–54 Конституции РФ), в конституционных положениях Украины может фиксироваться в качестве «права»: в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ прописано: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи», а в ст. 59 Конституции Украины закреплено положение о том, что «каждый имеет право на профессиональную юридическую помощь».

Не ставя целью сравнить подходы по гарантированности каждого права или свободы в контексте их конституционного закрепления в Конституциях Украины и России, важно подчеркнуть общую тенденцию в рамках принципа конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территориях ЛНР и ДНР: анализ Конституций ЛНР и ДНР 2014 г. в очередной раз подтвердил, что в качестве основы и образца для создания собственных Конституций ЛНР и ДНР была взята Конституция РФ, т. к. в рамках приведенных выше примеров Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. воспроизводили формулировки, применяемые в российской Конституции. Конституции ЛНР и ДНР 2022 г. значительно чаще используют конструкцию *каждому гарантируется право*, однако в данном

случае не стоит оценивать это как разворот в сторону украинского подхода к закреплению гарантий. Это связано с тем, что конституционные положения ЛНР и ДНР базируются на положениях Конституции РФ: логичнее не предоставлять право на мирные собрания, которое уже учреждено на федеральном уровне, а именно гарантировать право на них (ст. 20 Конституций ДНР и ЛНР 2022 г.). Вместе с этим на региональном уровне ЛНР и ДНР возлагают на себя дополнительные (не установленные Конституцией РФ и федеральными законами) гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина, реализация которых должна производиться за счет финансовых, материальных и прочих средств этих регионов (ст. 43 Конституций ДНР и ЛНР 2022 г.).

Отчасти расхождение между правилами и форматом закрепления гарантий прав и свобод в Украине и России можно объяснить через теоретическую призму. Как было указано ранее, элементный состав правового статуса личности является дискуссионным вопросом, например, в части того, является ли гарантированность отдельным элементом состава или принципом. Следовательно, разные подходы должны иметь в своей основе не только субъективную оценку учебного, но и практическую составляющую. Поэтому представляется верным оценить модель, применяемую в Украине, как ту, в рамках которой гарантированность является отдельным элементом правового статуса личности, в то время как в России установлена модель, где гарантированность воспринимается как принцип правового статуса личности: прямое указание в праве на его гарантированность не является обязательным, т.к., будучи принципом, гарантированность прав и свобод приобретает обязательный характер.

Разумеется, в юридической теории можно встретить и иные принципы правового статуса личности (например, принцип единства прав и обязанностей), однако видится правильным не выносить их в качестве отдельных частей данного исследования, т.к. их анализ сведется к рассмотрению общих теоретических подходов или к техническому сравнению перечней корреспондирующих друг другу прав и обязанностей в Украине, ДНР, ЛНР и России.

Таким образом, ЛНР и ДНР уже в 2014 г. совершили разворот в сторону российской модели правового регулирования положения личности и отношений между человеком и государством, что позволило провести интеграцию ЛНР и ДНР в состав РФ в более упрощенном варианте.

Вторым элементом конституционно-правового статуса личности являются **права, свободы и обязанности человека и гражданина**. Несомненно, рассмотрение института прав, свобод и обязанностей, тем более в сравнительном и историческом аспектах, требует масштабной и глубокой проработки

трансформаций в рамках каждого права и каждой свободы, поэтому для целей данного исследования представляется правильным дать общую оценку конституционных изменений, произошедших в рамках перечня и объема прав, свобод и обязанностей лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР.

Первая особенность прав, свобод и обязанностей человека как элементов правового статуса личности связана с **наименованием главы, посвященной правам, свободам и обязанностям**. Так, в Конституции Украины и Конституции РФ использовали стандартный подход, указав на содержательную составляющую без дополнительных уточнений: «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» (раздел II Конституции Украины) и «Права и свободы человека и гражданина» (гл. 2 Конституции РФ). В то время как в Конституциях ЛНР и ДНР 2014 г. акцент был смещен на дополнительную составляющую: «Защита прав и свобод человека и гражданина» (гл. 2). В таком отличии видится важная смысловая нагрузка: перенос внимания с самого факта закрепления прав и свобод на указание, что для них обязательно предусмотрена защита. В условиях сложной политической, правовой и социальной ситуации подобное подчеркивание ценности и важности защиты прав и свобод имеет принципиальное значение.

В качестве второй особенности прав, свобод и обязанностей человека и гражданина выделим **различия в перечне прав, свобод, обязанностей и их конституционных формулировках**. Анализ перечней прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в конституциях Украины, ДНР, ЛНР и России позволил сделать вывод, что линию частичного несоответствия можно проводить между Украиной с одной стороны и ДНР, ЛНР и Россией с другой. В частности, Конституция Украины содержит ряд конституционных возможностей и обязанностей, которые не были учтены ДНР и ЛНР в 2014 г. и изначально не получали конституционного закрепления в России.

Например, конституционные положения ДНР и ЛНР 2014 г. (ст. 4), а также России (ст. 7) рассматривают свободное развитие человека как явление, предоставление права на которое является излишним, т.к. оно связано с самой сутью человека как социального существа. Украина же отдельно определила, что «каждый человек имеет право на свободное развитие своей личности, если при этом не нарушаются права и свободы других людей, и имеет обязанности перед обществом, в котором обеспечивается свободное и всестороннее развитие его личности» (ст. 23).

Пример дифференциации перечня прав, свобод и обязанностей коснулся и семейной сферы, т.к. ст. 51 Конституции Украины устанавливает исключительно обязанность родителей содержать детей до их совершеннолетия. В то время как Конституция РФ

(ч. 2 ст. 38) и вместе с ней Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. (ч. 2 ст. 31) не уведут данные положения исключительно в плоскость должного поведения, предусматривая, что «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 31 Конституции ЛНР 2014 г. дополнительно возлагает эту обязанность и на органы социальной опеки), тем самым подчеркивая неподчиненный статус родителей в отношении детей.

Отметим, что Конституция Украины содержит ряд статей, которые в принципе не были воспроизведены в Конституциях ЛНР и ДНР 2014 г. Например, ст. 57 Конституции Украины закрепляет, что «каждому гарантируется право знать свои права и обязанности», а ст. 60, что «никто не обязан исполнять явно преступные распоряжения или приказы», «за отдачу и исполнение явно преступного распоряжения или приказа наступает юридическая ответственность». Представляется, что отсутствие данных формулировок в конституционных положениях ЛНР и ДНР 2014 г. не означает отказа от данных гарантий или разрешения совершать преступления, а вызвано нежеланием предоставлять отдельный статус положениям, вытекающим из самой сути иных конституционных норм об обязательности опубликования актов и подчинения им.

Интересным является правовое решение вопроса собственности на землю, установленное в Конституции ЛНР 2014 г. Как известно, земля и другие природные ресурсы всегда являлись и являются для государств важной и требующей особого внимания темой. Государства стараются проводить свою политику с учетом бережного и бережливого отношения к природным ресурсам, не допуская их передачи иностранным субъектам. В таких случаях базовая возможность обладания правом частной собственности на землю предоставляется именно гражданам, при этом допускается дальнейшее расширение этих полномочий на иностранных лиц, но строго в случаях и рамках закона. Украина, ДНР и Россия реализовали именно такой подход, в то время как в ч. 4 ст. 5 Конституции ЛНР 2014 г. указан запрет на продажу земли. При этом отсутствуют какие-либо конституционные уточнения в отношении перечня субъектов, владеющих правом собственности на землю.

Следующее отличие между конституционными положениями Украины и ЛНР, ДНР, России можно обнаружить в рамках права на свободу и личную неприкосновенность. Характеристики данного права в каждом из перечисленных государств соотносимы с международными стандартами, поэтому содержательно не имеют принципиальных противоречий, в то время как уточняющие положения закрепили разный срок, на который человек может быть арестован без решения суда. Согласно ст. 29 Конституции Украины, до судебного решения человек не может быть подвергнут аресту на срок более 72 часов, в то время

как Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. (ч. 2 ст. 15) провели синхронизацию по данному вопросу с законодательством РФ (ч. 2 ст. 22), сократив соответствующий срок до 48 часов.

В качестве еще одного отличия в части применяемых формулировок укажем положения, регулирующие моральную и духовную сферу. Так, Конституция Украины (ст. 35) устанавливает, что «каждый имеет право на свободу мировоззрения и вероисповедания», а Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. (ст. 21), а также Конституция РФ (ст. 28) вместо свободы мировоззрения отдают предпочтение «свободе совести».

Право на публичные мероприятия аналогично содержит неидентичные формулировки в конституционных положениях Украины и ДНР, ЛНР, России. Согласно ст. 39 Конституции Украины, «граждане имеют право собираться мирно, без оружия и проводить собрания, митинги, шествия и демонстрации», в то время как Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. (ст. 24) и Конституция РФ (ст. 31), наряду с правом граждан собираться мирно и без оружия, устанавливают большее количество форм публичных мероприятий, добавляя к вышеуказанному списку пикетирование.

Отличающиеся формулировки обнаруживаются в контексте установлений, касающихся окружающей среды. В ст. 50 Конституции Украины установлено, что «каждый имеет право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение причиненного нарушением этого права вреда». В то время как конституционные положения России (ст. 42), которые в очередной раз были взяты Конституциями ЛНР и ДНР 2014 г. за основу (ст. 35 Конституций ЛНР и ДНР 2014 г.), смещают акцент на иную сферу: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». Замена категории *безопасная* на *благоприятная* несет изменение содержательного вектора данной категории, т. к. в рамках безопасных характеристик рассматривается негативное проявление, когда подчеркивается важность ненарушения и сохранения имеющегося уровня, в то время как характеристика *благоприятная* предопределяет рассмотрение вопросов окружающей среды через призму позитивного влияния, качества окружающей среды, которое должно обеспечивать устойчивое функционирование соответствующих систем и объектов.

Третья особенность прав, свобод и обязанностей человека заключается не просто в отличающейся формулировке, а в **различающемся наполнении, которое чаще всего обусловлено не юридическими, а иными (политическими, социальными, экономическими) причинами**. Ввиду сложных политических отношений между Украиной и ЛНР, ДНР, а в дальнейшем

и Россией крайне затруднительно говорить о правах, свободах и обязанностях, связанных с наличием и признанием государственной границы. Любое государство рассматривает свободу передвижения в двух аспектах: внутреннем и внешнем. Внутренний аспект касается перемещения человека по территории соответствующего государства, в том числе для выбора места жительства и пребывания, внешний – предоставляет индивиду право покинуть территорию страны, а для граждан еще и гарантируется право беспрепятственного возвращения. В Конституции Украины (ст. 33) и Конституции РФ (ст. 27) установлены оба аспекта свободы передвижения, что объяснимо суверенным статусом данных государств. Несмотря на то что в 2014 г. ЛНР и ДНР объявили о суверенитете, формулировки конституционных текстов данных государств обнажили внутреннее осознание проблемности их суверенного статуса, т. к. Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. (ст. 20) установили только внутренней аспект свободы передвижения.

С одной стороны, отсутствие внешнего аспекта свободы передвижения объяснимо самим фактом отсутствия линии разграничения, признанной государственной границей. Вместе с этим в соответствии с Комплексом мер по выполнению Минских соглашений от 12.02.2015⁷ лица, проживающие на территории ДНР и ЛНР, рассматривались мировым сообществом как граждане Украины, что подразумевает действия свободы передвижения в отношении лиц, проживающих в ЛНР и ДНР, на основе положений Конституции Украины. С другой стороны, Украина в нарушение норм международного и национального законодательства ввела для данной категории своих граждан специальный режим перемещения по территории государства, регламентированный Временным порядком въезда на неконтролируемую территорию и выезда с нее граждан Украины и иностранцев (лиц без гражданства) [18, с. 40].

Усугубление ситуации между противостоящими сторонами предопределило принятие Главой ДНР Указа № 42 от 27.02.2017 «О линии соприкосновения»⁸. Согласно данному Указу, линия соприкосновения является государственной границей. Документ был подписан для того, чтобы правоохранительные органы ДНР могли на законных основаниях арестовывать людей, которым запрещен въезд на территорию этого государства. То есть в рамках иных нормативных правовых актов ДНР начала фактическое регулирование внешней свободы передвижения посредством установления ограничения этой

свободы в целях обеспечения безопасности граждан Республики от незаконных действий лиц, которым запрещен въезд на территорию ДНР. При этом в случае изменений на линии фронта государственная граница Республики автоматически будет перенесена.

Другое различие, затронувшее сущностный уровень сопоставляемых категорий, находится в сфере права на объединение. В статьях 36, 37 Конституции Украины предоставляется право на объединение в общественные организации и отдельно уделяется внимание объединению в политические партии. Российская Федерация аналогично предоставила право на объединение (ст. 30), однако особо подчеркнула право на создание профессионального союза для защиты своих интересов. Следовательно, Украина рассматривает право на объединение в контексте распределения власти, в то время как Россия воспринимает его как естественную часть гражданского общества, необходимую для реализации интересов индивида и защиты его прав и свобод. Как было продемонстрировано практически во всех рассмотренных примерах, ДНР и ЛНР восприняли в качестве образца российский подход к регулированию права на объединение.

Различные подходы к экономическому устройству в Украине и России породили отличающееся конституционное регулирование экономических прав и свобод человека. Согласно ст. 13 Конституции Украины, «государство обеспечивает... социальную направленность экономики», что означает учреждение в стране социально ориентированной рыночной экономики. Для обеспечения социальной направленности экономики требуется вмешательство государства, т. к. рыночная система саморегулирования не учитывает социальные потребности общества и не встраивает их в правила функционирования закона спроса и предложения. Следовательно, рассматривая экономические права и свободы граждан Украины нужно учитывать, что их закрепление и функционирование осуществляется в условиях смешанного типа экономики. Именно типом экономической системы обусловлено то, что в профессиональной и трудовой сферах не устанавливается свобода человеческого усмотрения: ст. 42 Конституции Украины закрепляет право каждого на предпринимательскую деятельность, которая не запрещена законом, а ст. 43 учреждает «право на труд, что включает возможность зарабатывать себе на жизнь трудом, который он (человек – прим. наше) свободно избирает или на который свободно соглашается». То есть конституционные установления прямо не прописывают иные способы получения прибыли

⁷ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. *Президент России*. 12.02.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения: 28.03.2023).

⁸ О линии соприкосновения. Указ Главы ДНР № 42 от 27.02.2017. *Официальный сайт ДНР*. URL: <http://npa.dnronline.su/2017-02-27/ukaz-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki-42-ot-27-02-2017-goda-o-linii-soprikosnoveniya.html> (дата обращения: 28.03.2023).

и дохода, которые человек придумает и разработает, разумеется, с учетом требований закона. Тип экономики, установленный в Украине, предопределяет заинтересованность государства в контроле рыночной сферы для возможности обеспечения ее социальной направленности, что было бы невозможно реализовать в рамках предоставления большей степени свободы в профессиональной и трудовой сферах.

Тип экономического устройства в России является предметом дискуссий [19–24], но представляется правильным учесть как нормативные положения, так и практическую составляющую этого вопроса. Конституцией РФ не закреплено наименование экономической системы, функционирующей в России, однако сформулированы принципы экономического устройства (ст. 8), которые характеризуют рыночное устройство. Разумеется, экономические, политические, социальные реалии вносят собственные коррективы в экономическое устройство, вынуждая Россию на более длительный период задерживаться на переходной стадии – стадии смешанной экономики. В итоге нормативно в России закреплен рыночный тип экономики, в то время как фактически еще продолжается переходный период, когда функционирует смешанная экономика, стремящаяся к построению рыночной системы.

В рамках рыночного экономического устройства Конституция РФ не могла не закрепить свободы, применимые к профессиональной сфере. Статья 34 устанавливает, что «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». То есть указанное конституционное положение позволяет человеку самостоятельно определять способ получения дохода, придумывать новые, ранее не существующие продукты, услуги, предприятия, требуя лишь соблюдения существующего законодательства. Наряду с этим ст. 37 Конституции РФ закрепляет две категории в сфере труда: свободу труда и право на труд. В рамках свободы труда человеку вновь предоставляется максимально возможная степень усмотрения, начиная от права выбора, реализовывать ли свои способности в профессиональной сфере, и заканчивая выбором конкретного направления и вида экономической деятельности (трудовой договор, гражданско-правовой договор, инвестиции, творчество и т. д.). Право на труд, закрепленное в России, акцентирует внимание на реализации трудовых способностей в рамках трудового договора.

Следовательно, содержание основополагающих экономических прав и свобод в Украине и в России существенно различается, что отразилось на конституционном устройстве ЛНР и ДНР. Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. не закрепили базовых экономических принципов, что является объяснимым с позиции

непростой обстановки в регионе и невозможности обеспечить полноценное экономическое устройство новых государств, но учредили экономические положения в профессиональной и трудовой сферах, вновь заимствовав российский подход к регулированию данной области (статьи 27, 30 Конституций ЛНР и ДНР).

Несомненно, восприятие рыночных основ, произошедшее еще в 2014 г., позволит ЛНР и ДНР в более упрощенном варианте встроиться в экономическую систему России после присоединения к ней в качестве субъектов Федерации, однако необходимо понимать, что для индивидов переход от социально ориентированной экономики к рыночной может пройти достаточно ощутимо. Например, Е. А. Грессевой отмечена необходимость закрепить в Конституции ДНР некоторые положения, которые не были заимствованы из Конституции Украины [25, с. 31], в частности ст. 48 Конституции Украины, устанавливающую, что «каждый имеет право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилище». Данное положение является крайне привлекательным с точки зрения отдельного индивида, однако необходимо понимать, что оно происходит именно из смешанного типа экономического устройства и закрепление указанной формулировки в контексте рыночной системы невозможно, т. к. обуславливает активное государственное вмешательство для обеспечения достаточного жизненного уровня. Рыночное устройство предполагает использование иных конструкций в отношении социальной сферы, как, например, указано в ст. 7 Конституции РФ: «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь».

Подводя итог анализа трансформации такого элемента конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, как права, свободы и обязанности, можно сделать вывод, что уже в 2014 г. ЛНР и ДНР совершили стремительный разворот в сторону российской правовой системы, отказавшись от формулировок и подходов, реализуемых в Конституции Украины. Причины такого существенного изменения можно усмотреть как в стремлении властей ЛНР, ДНР и населения этих территорий обособиться от Украины по всем доступным направлениям жизнедеятельности и правового регулирования, так и в изначально заложенном понимании необходимости построения системы, которая либо будет функционировать обособленно, но гармонично с системой России, либо будет в дальнейшем встроена в систему России. Необходимость и обоснованность переориентации ЛНР и ДНР в сторону России подтвердилась в контексте того, как в дальнейшем развивались события. Так, 10.06.2015 Украина направила официальное обращение в Совет Европы, в котором уведомила о приостановлении выполнения ряда статей Европейской конвенции по правам

человека на территории ЛНР и ДНР⁹. В частности, заявление касалось статей 5, 6, 8 и 13 Конвенции, гарантирующих права на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной и семейной жизни, право на эффективное средство правовой защиты. В то время как Украина отказывалась в правовой поддержке и защите лицам, проживающим на территории ЛНР и ДНР, Россия предпринимала дополнительные меры для улучшения и облегчения процесса реализации прав и свобод данных индивидов. Даже незадолго до принятия ЛНР и ДНР в состав России продолжались приниматься акты, влияющие на права и свободы лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР. Например, Указ Президента РФ № 585 от 27.08.2022 «О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации»¹⁰, в рамках которого уточнялись правила для граждан ДНР, ЛНР и Украины по вопросам их пребывания и трудовой деятельности.

Заключение

Анализ правовых взглядов на трансформацию конституционно-правового статуса человека и гражданина на территории ДНР и ЛНР позволяет сделать ряд выводов.

1. Конституционно-правовой статус личности лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, подвергся значительным изменениям, т.к. трансформация надгосударственной надстройки отразилась на всех составных элементах конституционно-правового статуса личности: гражданстве, принципах правового статуса личности, правах, свободах и обязанностях человека и гражданина. Изначально конституционно-правовой статус жителей Донбасса основывался на Конституции Украины, затем – на Конституциях ЛНР или ДНР как конституционно независимых государств, а после – на базе Конституции РФ.

2. Несмотря на очевидную смену государственной надстройки, необходимо учитывать, что изменение государственной принадлежности конкретной территории не всегда автоматически решает вопрос гражданства. Следовательно, у разных лиц возможно наличие разного количества гражданств, что оказывает влияние на содержание иных элементов каждого из конституционно-правовых статусов личности.

3. Такой элемент конституционно-правового статуса личности, как гражданство, является

предопределяющим, т.к. именно наличие устойчивой правовой связи между человеком и конкретным государством позволяет данному лицу осуществлять свою жизнедеятельность в рамках заложенных в законодательстве правовых идей и пользоваться возможностями, предоставляемыми и гарантированными государством. Таким образом, гражданство очерчивает внешнюю границу, определяет «форму» правового статуса личности, а принципы правового статуса личности, права, свободы, обязанности человека и гражданина – правовое содержание, выражающееся в вариантах возможного и должного поведения лица.

4. Трансформация принципов правового статуса личности больше коснулась не общих подходов, а специфики их закрепления и регулирования, в то время как в контексте прав, свобод и обязанностей лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, предстоит столкнуться со значительными изменениями. Несмотря на то что ЛНР и ДНР при создании собственной правовой системы во многом ориентировались на Россию, они все же не отказались полностью от законодательства Украины, особенно в рамках отраслевого регулирования. При этом оценка и сопоставление конституционных положений Украины и России демонстрирует то, что подходы государств к правам, свободам и обязанностям значительно отличаются. Следовательно, сформировавшиеся правовые привычки жителей ЛНР и ДНР подверглись и подвергаются до сих пор значительным изменениям, что требует особенно деликатного отношения к данному вопросу, поскольку значительное расхождение между поведением людей и правовыми нормами может иметь негативные последствия (увеличение числа непреднамеренных нарушений, прямой отказ населения принимать новые правовые положения и подчиняться им и т.п.).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

⁹ Украина отступает от Европейской конвенции о правах человека. *Совет Европы*. 10.06.2015. URL: https://www.coe.int/ru/web/portal/news-2015/-/asset_publisher/9k8wkRrYhB8C/content/ukraine-derogation-from-european-convention-on-human-rights (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁰ О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации. Указ Президента РФ № 585 от 27.08.2022. *СЗ РФ*. 29.08.2022. № 35. ст. 6071.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РФФ, проект № 23-28-00138 «Системы права признанных республик Донбасса: проблемы переходного состояния и пути достижения самодостаточности».

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00230: Legal Systems of the Recognized Republics of Donbass: Transition Issues and Self-Sufficiency Prospects.

Литература

1. Демидов А. В. Правовой статус личности: теоретико-правовой аспект. *Новая наука: проблемы и перспективы*: Междунар. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 4 мая 2016 г.) Стерлитамак: АМИ, 2016. Ч. 3. С. 168–169. [Demidov A. V. Personal legal status: theoretical and legal aspect. *New Science: Problems and Prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Sterlitamak, 4 May 2016. Sterlitamak: AMI, 2016, pt. 3, 168–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdwvyb>
2. Стороженко А. А. Правовой статус личности: законный интерес и гарантии. *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*. 2020. Т. 4. № 12-2. С. 166–169. [Storozhenko A. A. Legal interest as an element of guaranteeing the legal status of an individual. *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Donetskii natsionalnyi universitet"*, 2020, 4(12-2): 166–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/didoxc>
3. Рахматуллин А. Ф. Особенности правового статуса личности в современном обществе. *Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России*. 2013. № 23. С. 198–202. [Rahmatullin A. F. Peculiarities of the legal status of an individual in modern society. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, (23): 198–202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raxbqh>
4. Гаджиакаева А. Я. Правовой статус личности. *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 33. С. 170–181. [Gadziakaeva A. Ya. Personal legal status. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, (33): 170–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtyuut>
5. Самарина Е. С. Категория «правовой статус личности» в теоретико-правовой науке. *Ленинградский юридический журнал*. 2013. № 2. С. 24–30. [Samarina E. S. The category "legal status of the personality" in theoretical and legal science. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, 2013, (2): 24–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qavblp>
6. Верин А. Ю. К вопросу о структуре правового статуса личности. *Вестник экономики, права и социологии*. 2012. № 2. С. 113–116. [Verin A. Yu. Some aspects of personal legal status structure. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2012, (2): 113–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stvtyx>
7. Капитонова Е. А. К вопросу о структуре конституционно-правового статуса личности. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2019. № 4. С. 9–13. [Kapitonova E. A. Structure of personal constitutional and legal status. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (4): 9–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dbctyp>
8. Курганова А. С. Гражданство как один из основополагающих элементов конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации. *Ученые записки*. 2019. № 1. С. 119–122. [Kurganova A. S. Citizenship as one of the main elements of the constitutional and legal status of the individual in the Russian Federation. *Uchenye zapiski*, 2019, (1): 119–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfcubn>
9. Одегова Л. Ю. К вопросу о признании гражданства Донецкой Народной Республики за отдельными категориями лиц. *Вестник Института экономических исследований*. 2018. № 4. С. 184–191. [Odegova L. Yu. Revisiting the issue of recognizing the citizenship of the Donetsk People's Republic for certain categories of persons. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2018, (4): 184–191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bvjoqd>
10. Одегова Л. Ю. К вопросу об условиях признания гражданства Донецкой Народной Республики. *Сборник научных работ серии «Право»*. 2019. № 1. С. 143–154. [Odegova L. Yu. The Donetsk People's Republic: conditions of recognition of citizenship. *Sbornik nauchnykh rabot serii "Pravo"*, 2019, (1): 143–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjuvez>
11. Введенская В. В. Признаки государства Донецкая Народная Республика. *Вопросы российского и международного права*. 2018. Т. 8. № 5А. С. 5–16. [Vvedenskaya V. V. The features of the state Donetsk People's Republic. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, 8(5A): 5–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uynfad>
12. Бялт В. С., Демидов А. В. Правовой статус личности: теоретико-правовая характеристика. *Ленинградский юридический журнал*. 2018. № 3. С. 19–25. [Byalt V. S., Demidov A. V. Legal status of personality: theoretical and legal characteristic. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, 2018, (3): 19–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytevrz>
13. Лихолетова С. В. «Человек, его права и свободы – высшая ценность» как конституционная основа правового статуса личности. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2007. № 4. С. 20–21. [Likholetova S. V. People with their rights and freedoms are the highest value: constitutional basis of personal legal status. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 2007, (4): 20–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxyzuh>

14. Канакова А. Е. Конституционное право Российской Федерации (общая часть). Барнаул: АлтГУ, 2021. 436 с. [Kanakova A. E. *Constitutional law of the Russian Federation: general part*. Barnaul: ASU, 2021, 436. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/btwgoy>
15. Игнатъев А. Ю. Понятие конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации. *Правовестник*. 2018. № 1. С. 67–69. [Ignatev A. Yu. Concept of personal constitutional and legal status in the Russian Federation. *Pravovestnik*, 2018, (1): 67–69. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tjiyxb>
16. Карасев А. Т., Федоров Р. В. К вопросу о гарантиях как составных элементах конституционно-правового статуса личности. *Российский юридический журнал*. 2004. № 2. С. 30–32. [Karasev A. T., Fedorov R. V. Guarantees as constituent elements of personal constitutional and legal status. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2004, (2): 30–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rdemvr>
17. Акимов А. Н., Петрович Д. В. Оптимизация правового статуса личности в современной России. *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2008. № 4. С. 25–27. [Akimov A. N., Petrovich D. V. The optimization of the legal status of the individual in modern Russia. *Representative Power – 21st Century: Legislation, Commentary, Problems*, 2008, (4): 25–27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kuivwn>
18. Мельников И. Е. Право на свободу передвижения жителей Донецкой Народной Республики. *Право Донецкой Народной Республики*. 2016. № 3. С. 38–43. [Mel'nikov I. E. Freedom of movement of the citizens of the Donetsk People's Republic. *Pravo Donetskoï Narodnoï Respubliki*, 2016, (3): 38–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yuinyp>
19. Бикмаева А. Д. Динамика структуры экономики Российской Федерации: с начала рыночных реформ до современности. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2023. № 1. С. 14–19. [Bikmaeva A. D. Dynamics of the structure of the economy of the Russian Federation since the beginning of market reforms to the present. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, 2023, (1): 14–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34773/EU.2023.1.2>
20. Алиева А. В. Исторический аспект рыночных реформ в экономике Российской Федерации. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. Т. 8. № 24. С. 61–64. [Alieva A. V. Historical aspect of market reforms in economy of the Russian Federation. *National Interests: Priorities and Security*, 2012, 8(24): 61–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ozbzn1>
21. Тарасов М. Е., Тарасова-Сивцева О. М. Конституция Российской Федерации о демократических ценностях, рыночной экономике и предпринимательстве. *Академический вестник Якутской государственной сельскохозяйственной академии*. 2021. № 8. С. 45–49. [Tarasov M. E., Tarasova-Sivtseva O. M. The Constitution of the Russian Federation on democratic values, market economy and entrepreneurship. *Akademicheskii vestnik Yakutskoi gosudarstvennoi selskokhoziaistvennoi akademii*, 2021, (8): 45–49. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wjwxuz>
22. Игнатъева С. В. Теоретико-правовые аспекты взаимодействия государства, права и экономики в условиях рыночных преобразований в Российской Федерации. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2014. № 2. С. 19–24. [Ignatieva S. V. Theoretical and legal aspects of the interaction between the state, law and economics in terms of market reforms in the Russian Federation. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, (2): 19–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sgmadf>
23. Татаркин А. И. Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 1. С. 39–65. [Tatarkin A. I. Theoretical-methodological preconditions for the formation of mixed economy in the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, (1): 39–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.3>
24. Зельднер А. Г. Смешанная экономика на базе механизма ГЧП – основа национальной модели развития России. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2017. № 3. С. 4–11. [Zeldner A. G. Mixed economy based on the Public Private Partnership is a foundation for national model of Russia development. *Intellekt. Innovacii. Investicii*, 2017, (3): 4–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynuhih>
25. Гресева Е. А. Особенности конституций переходного периода на примере Конституции Донецкой Народной Республики. *Право Донецкой Народной Республики*. 2016. № 4. С. 27–33. [Greseva E. A. Peculiarities of constitutions of transition period on the Donetsk People's Republic Constitution example. *Pravo Donetskoï Narodnoï Respubliki*, 2016, (4): 27–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zcmwcl>